

Надсон

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

[OCR Бычков М. Н.](#)

Схематически различимы в поэзии два течения: из них первое -- стремление разгадать мир, оправдать его именем божества, а второе -- стремление к устройству жизни человеческой на земле, в тех формах, которые представляются должными и желанными. С этой точки зрения поэзия делима на *песни о бытии* и *песни о быте*. Первые также можно назвать песнями веры, вторые -- песнями любви. Здесь я имею в виду любовь к земле, к человеку, к судьбе его и полагаю, что поэзии мизантропической быть не может: поэт-человеконенавистник замолкнет, ибо ему уже не для кого будет петь. Проклятия, с которыми порой обращаются к людям поэты, -- суть, по определению одного из них, "обратный лик любви".

Деля поэзию на эти два основных течения, я вовсе не намереваюсь сказать, что есть две поэзии. Поэзия едина, и песни о быте проистекают в действительности из того же религиозного источника, как и песни о бытии. Жрец и воин -- не две различные касты, но лишь две формы одного служения, две ступени одного посвящения. Но одни люди становятся жрецами, другие -- воинами.

Пушкин, солнце русской поэзии, равно понимал и то и другое, завещав нам две формулы. Из них первая:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв, --

а вторая --

О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар!

В этих последних словах о *грозном* даре витийства жреческая повязка сменяется шлемом воина.

Все поэты -- рыцари одного ордена. Как бы творчество одного из них ни разнилось от творчества другого, -- при встрече оба поймут и узнают друг друга по тайным знакам, которые ведомы лишь посвященным. Ибо жрец знает, что вера его мертва, если нет любви, а любовь воина зиждется на его вере.

Таково двуединство поэзии. Отнюдь не разделяя самих поэтов на два непримиримых стана, она дает в то же время возможность критику одних причислить к молящимся, других -- к призывающим.

Обращаясь к Надсону, мы с уверенностью можем сказать, что по содержанию своей поэзии он должен быть отнесен к поэтам второй категории. Сравним его хотя бы, например, с Фетом, которого творчество -- такой несомненный и полный образчик служения жреческого. Насколько взор Фета упорно устремлен к небу, настолько же глаза Надсона непрестанно обращены к земле, к житейской судьбе человека. Я позволю себе напомнить вам целиком одно из самых замечательных стихотворений Фета и одно стихотворение Надсона -- стихотворение, в котором всего яснее сказалось его отношение к природе, нас окружающей. Вот стихотворение Фета -- строки, составляющие вступление к "Вечерним огням":

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве порой уступаю,
И днем, и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.